

Максим Горький

Ванькина литература

Максим Горький

Ванькина литература

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2148845

Аннотация

«Блаженной памяти барон Брамбеус имел лакея Ваньку, большого любителя читать различные „забористые“ книжки...»

Содержание

Максим Горький

Ванькина литература

Блаженной памяти барон Брамбеус¹ имел лакея Ваньку, большого любителя читать различные «забористые» книжки. Ванька этот, по рекомендации барона-критика, был существом «вида растрёпанного и неумытого» и, судя по его любви к литературе, должно быть, состоял в родне с Петрушкой Чичикова. Каждый раз, когда в руки Брамбеуса попадала какая-нибудь безграмотно написанная или глупая книжка, он кричал своего лакея и книжку эту отдавал ему, говоря: – Возьми, Ванька, это – твоя литература...

Это происходило в тридцатых годах, и с той поры, как это ведомо всем, арифметику знающим, прошло лет шестьдесят... Просвещение в столь почтенный срок сильно развилось... но, кажется, только вширь, а не вглубь. Кажется это потому, что хотя теперь нет ни Брамбеуса, ни крепостных лакеев, но Ваньки, любители забористой литературы, не только не исчезли, а, напротив, должно быть, очень развились, на что решительно и неопровержимо указывают быстрый рост и пышный расцвет «Ванькиной литературы». «Листки» московские, петербургские, русские имеют своими читателями, несомненно, Ванек; такие журналы, как «Звезда» Животова,

---

¹ Псевдоним реакционного журналиста, критика и писателя Сенковского О. И. – *Ред.*

«Родина» и прочие прыщи на лице русской литературы, выписываются Ваньками; такие писатели, как Животов, Пазухин, Рудниковский, Гейнце, работают для Ванек, потомков лакея барона Брамбеуса. Всё это – литература дешёвая...

А вот «Наблюдатель», стоящий 12 рублей в год², или «Новое время», стоящее 17 рублей³, не могут, вследствие своей дороговизны, привлечь к себе внимание Ванек... и поэтому пытаются развести их среди людей более обеспеченных, чем те Ваньки, которые питаются искони прислуживающей им и дешёвой прессой. Что названные выше органы способны плодить Ванек и угождать их дрянным вкусам, в этом нельзя сомневаться. «Новое время» известно хлёткостью ругани, что всегда очень нравится улице. «Новое время» любит ругаться – улица любит слушать крепкие слова. «Новому времени» нужно понизить цену, тогда оно будет оценено Ваньками, наравне с другими уличными органами и шарманками. Вот, кстати, образчик недобросовестности и передержек, украшающих страницы газеты Суворина, – несколько дней тому назад в ней было напечатано следующее:

«Тягостное впечатление производит орган молодой лите-

---

² Ежемесячный литературно-политический журнал реакционного направления, издававшийся с 1882 года в Петербурге – *Ред.*

³ Реакционная петербургская газета, издававшаяся А. С. Сувориным. Выходила с 1868 по октябрь 1917 года, вначале была умеренно-либерального направления, а с 1876 года превратилась в подкупленный царским правительством орган махровой реакции. С 1905 года – орган черносотенцев – *Ред.*

ратуры „Жизнь“⁴, февральская книжка которой украшена лубочными картинами новейших немецких маляров-декадентов – Штука и Саши Шнейдера. Можно подумать, что русское общество так пресыщено истинным искусством, так глубоко ознакомилось с живописью Запада и артистами Востока, с антиками, что ей только и остаётся, что класть на притуплённый язык извращения мысли и кисти с кайенским перцем вроде безобразных „фурий“ Штука.»

Читатель читает эти слова и видит: ба! «Новое время» защищает добрые нравы и здоровые вкусы! Читателю это нравится, потому что хлёстко, а прочитав всю заметку, совершенно неприличную, первую половину которой я привёл выше, он хохочет, он доволен, ему нравится такой площадной и глупый приём, как изменение фамилии писателя Чирикова в Чирьева и Прыщикова. Читатель мог бы вспомнить, что в прошлом году та же самая газета поместила в приложении своём лестную заметку о Саше Шнейдере и снимки с его картонов... но, вероятно, он не вспомнит этого. Он просто решит, что «Жизнь» – журнал, в котором печатаются декадентские картинки. Ему неизвестно, при чём тут эти картинки, и он не знает, что не один Шнейдер и Штук иллюстрируются в «Жизни», а иллюстрируется также и Бёклин, снимки

---

⁴ Ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издававшийся в Петербурге с 1897 по 1901 год, в литературно-художественном отделе которого участвовали М. Горький, А. П. Чехов, В. В. Вересаев и другие прогрессивные писатели. Этот отдел журнала был высоко оценён В. И. Лениным (см. ПСС, изд. 4-е, т. 34, стр. 15) – *Ред.*

с картин которого он недавно видел на страницах «Нового времени». «Новое время» не упоминает о Бёклине и о том, почему явились в «Жизни» картинки Штука и Шнейдера, потому что оно желает только выругать «Жизнь», бросить на неё тень... Зачем? Специальность у этой газеты такая. Есть люди, которым все чистое и порядочное органически противно, а статья П. Ге о Бёклине, Шнейдере и Штуке – хорошая статья⁵. Рассматривая работы названных художников и показывая снимки с их символических картин, автор статьи воздаёт должное тому, что в этих картинах ценно, а по поводу символизма, как направления в искусстве, говорит, что это направление недолговечно.

«Художник безусловно свободен в своём творчестве, – говорит господин Ге, – но в искусстве „для нас близко и дорого только то, что связано с нашей жизнью“. Наиболее сложные, наиболее человеческие стороны жизни могут быть выражены лишь в реальных образах. Простота в мышлении, реализм и в искусстве – последние и самые ценные завоевания новейшей цивилизации человечества... Произведения Бёклина, Штука, Шнейдера и вообще всех символистов не представляют основного русла современного европейского искусства. Это – боковое течение.»

В нашем обществе есть известный интерес к современному недомоганию мысли на Западе, это недомогание отча-

---

⁵ Речь идёт о статье П. Н. Ге «Арнольд Бёклин, Франц Штук и Саша Шнейдер», напечатанной в журнале «Жизнь», 1899, февраль, книга 1 – *Ред.*

сти отражается в нашей литературе и искусстве. «Жизнь» даёт статью, в которой пытается объяснить публике, что такое символизм – один из симптомов недомогания современной души. «Новое время» видит картинку, иллюстрирующую статью, и болтает по этому поводу какой-то вздор, имеющий однако вполне определённую цель – подорвать в обществе интерес к новому журналу. Это, разумеется, непорядочно, это даже лживо, но «Новому времени» нет дела до порядочности и правды... Оно охотится за успехом, хорошо платит своим фельетонистам и требует от них злобы и резвости... Они и стараются кто во что горазд, но все одинаково ловко выдрессированы хозяином и все всегда травят кого-нибудь – финнов, марксистов, чувашей, народников, русскую литературу, крымских татар, евреев, поляков... глядя по тому, что больше Ваньке-публике нравится...

Как и «Новое время», «Наблюдатель» – орган человеконенавистнический. Он избрал для своих представлений пред публикой – травлю евреев. «Наблюдатель» – скучен, жалок и бесталанно плосок. Вот образец его «литературы»: в февральской книжке за г[од] начат печатанием роман Крыжановской-Рочестер. Эта барыня по существу своему – нечто вроде печальной памяти оккультистки Блавацкой, – она тоже спиритка, оккультистка и любительница всего таинственного. Про неё говорили, что романы ей диктуют духи... малограмотные. Есть у неё большой роман «Торжище

брака», в котором бездействуют, но много говорят медиумы, духи, черти и тому подобная дребедень. Я читал этот роман, хотя содержания его и не помню, – но это простительно мне уже по одному тому, что в нём нет содержания, а лишь одни потуги и поползновения к сатире и мистицизму. Романы без содержания – очень модная вещь, и Ванька их любит, ибо они чрезвычайно легко читаются, но попытка объединить сатиру с мистицизмом достаточно определённо рисует умственный облик госпожи Крыжановской. Теперь госпожа Крыжановская печатает в «Наблюдателе» тоже роман в двух частях, под заглавием «Железный канцлер древнего Египта». Как вы думаете, кто этот железный канцлер? Это Иосиф, тот самый Иосиф, сын Иакова, трогательный рассказ о котором помещён в библии и которого народ за чистоту и кротость назвал Прекрасным. По Крыжановской, этот Иосиф оказывается бездушным и чёрствым юношей, целью жизни которого служит стремление к власти, «истым прототипом своего племени, в течение веков высасывавшего из груди всех народов их плодоносную силу – богатство – до истощения питавшей матери-кормилицы». Он, этот Иосиф Прекрасный, будучи рабом Пентефрия – по словам госпожи Крыжановской – смотрел на жену его «как на средство, в случае смерти Пентефрия, завладеть его богатством», для чего «пустил в ход ту таинственную силу, которую современная наука окрестила именем гипнотизма». Внушив жене Пентефрия страсть к нему, Иосиф по причине, госпоже Крыжа-

новской, очевидно, не известной, отталкивает от себя увлечённую женщину, за что и получает от неё пощёчину. Нужно отдать справедливость авторше, она ни на шаг не отступает от текста легенды, хотя вышивает на нём разнообразные и чрезвычайно фантастические узоры и зовёт Иакова – Яакоб, Иосифа – Иозеф, Рувима – Реубэном и Пентефрия – Потифаром, что, оказывается, нужно «по сефардийскому чтению древнееврейского языка». Ссылка на этот язык, а в примечаниях имена таких египтологов, как Брунг, Шаба и... Эберс, придают роману учёный вид, но не улучшают его дубоватого языка, образец которого можно видеть выше в фразе, характеризующей Иосифа.

Язык романа вообще любопытен. Вот, например, как говорит Иосиф с отцом и братьями: «Вы все думаете, что мир нами кончается, что только и света – что в окошке». – «Чтоб я больше не слышал твоего бахвальства!» – кричит на сына библейский патриарх. «Бахвальство» и «окошко» хотя и не известны библии, но тем не менее очень оригинально звучат в устах её величественных героев под небом Палестины. Роман начинается доносом Иосифа отцу на братьев и пока доведён до возвышения Иосифа фараоном. Всё это занимает шесть печатных листов. Иосиф является в романе точной копией с мелодраматического злодея, его сопровождают колдуны, змеи, а в числе действующих лиц подвизается сама судьба... олицетворённая автором в виде женщины с телом быка и ногами льва. Всё это производит оглушающее впечатление

и прескверно пахнет... Ванька будет доволен госпожой Крыжановской. Ванька ужасы любит, и тем более любит, чем они нелепее... Ванька вообще любит всё дикое и грубое, а господин Ефим Простосердов, усердный Ванькин слуга, Ванькину психику прекрасно понимает и в той же книжке, где госпожа Крыжановская переделывает библию по вкусу Ваньки, – сей самый Ефим сочиняет возмутительную клевету на евреев⁶.

Только в обществе, глубоко индифферентном к вопросам морали, возможны явления, подобные «Новому времени» и «Наблюдателю». Если мы не хотим сказать «цыц!» сочинителям из этих литературных вертепов, значит – эти люди приятны нам и грязь, разводимая ими в жизни, не возмущает нас. Они плюют на всех и вся своей желчной слюной – мы видим это и молчим; они бешено режут ругательства – мы слушаем; они клеветают – нас это не возмущает...

Говорят – по Сеньке и шапка... Ну, Ванька, скверная же у тебя шапка! Неужели ты не чувствуешь, что заслуживаешь лучшей? Неужели ты действительно не хочешь и не можешь сорвать с себя эту гадкую и грязную? Ты бы подумал над этим, Ванька, ведь ты уже не крепостной и не лакей, ты достаточно свободен для того, чтоб крикнуть людям, отравляющим тебя всякой мерзостью:

---

⁶ Ефим Простосердов – псевдоним реакционного журналиста, редактора-издателя журнала «Наблюдатель» А. П. Пятковского. Имеется в виду его статья «И смех и горе (Литературные и общественные заметки)», помещённая в журнале «Наблюдатель», 1899, февраль – *Ред.*

«Не хочу мерзостей!»